

Выставка Асмик Кочарян «Цветущий мир».

В Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» открыта выставка «Цветущий мир. Живопись Асмик Кочарян». Небольшая выставка (всего 15 работ) была открыта в музее к празднику Рождества Христова, и одно из центральных мест на выставке занимает картина художницы на эту тему.

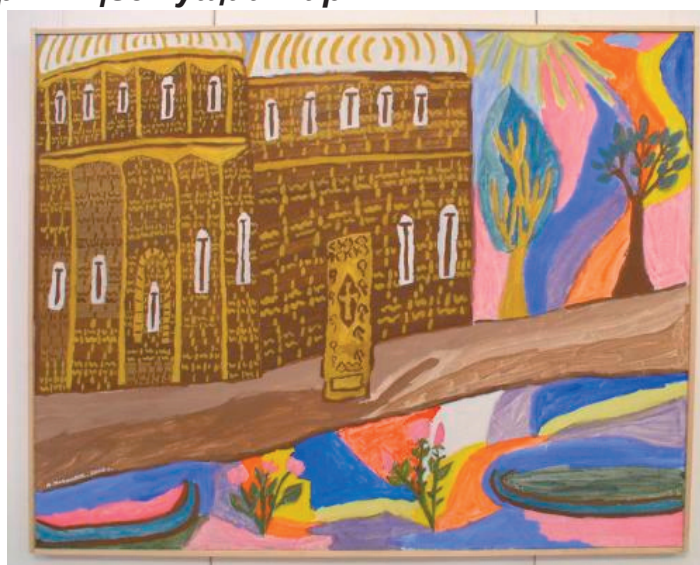
АСМИК СУРЕНОВНА КОЧАРЯН родилась в г. Ереване в 1978 г. В 1995 г. окончила Армянский республиканский Центр эстетического воспитания Генриха Игитяна и общеобразовательную школу. В том же году поступила в Академию Изыщных Искусств (АИИ) г.Москвы (ректор-основатель заслуженный артист Максим Владимирович Кончаловский) на факультет изобразительного искусства в мастерскую Волкова Александра Николаевича (мастера «Гранатовой чайханы»), где деканом был Александр Александрович Волков, художественным руководителем - Валерий Александрович Волков (сыновья А.Н. Волкова). Непосредственной наставницей Асмик является Наталья Владимировна Штольдер - Алексеева (ученица Валерия Волкова).

Несмотря на молодой возраст художницы у нее уже было много выставок, в том числе персональных, которые неизменно вызвали и вызывают интерес у зрителей и специалистов. Ее искусство причисляют к так называемому «наивному» искусству. Из известных мастеров этого направления в первую очередь вспоминаются такие имена как Анри Руссо, Нико Пироманишвили, к языку примитива обращались такие мастера как Пабло Пикассо, Анри Матисс.

«Мир Асмик Кочарян – это поэтический мир, причем живет она в нем органично, как живут дети в сказочном мире, безгранично верящие в сказку. Но категории, в которых мыслит Асмик далеко не детские. Глядя на ее «Распятие», рядом с которым процвел пышный куст, веришь, что за смертью обязательно придет Воскресенье, и что вся земля может быть цветущей, даже зимой, только надо уметь видеть».

«Асмик Кочарян стала одной из ярких современных представителей наивного направления в изобразительном искусстве... Главная особенность подобного искусства – умение на

всю жизнь сохранить в себе ребенка, видеть мир иначе, чем видят его взрослые. Отличительная черта ее полотен – ощущение радости и света независимо от сюжета. Это тем более примечательно, что отрочество Асмик пришлось на очень страшное для ее родины время – землетрясение в Спитаке, резня в Карабахе...

Вера Асмик в победу добра и света – не меньший талант, чем собственно художественный дар. Значительное место в творчестве Кочарян занимают произведения на библейскую и евангельскую тематику... Думается, что обращение к христианской тематике для наивного живописца весьма закономерно. Детское мировосприятие, которым отличается именно этот вид искусства, как нельзя более соответствует духу Священного Писания. Ведь Христос говорил: «Будьте как дети». Константин Крутских, главный редактор журнала «Космоград»:

«Творчество Асмик Кочарян – это родник, который чист, прозрачен, и вытекает из родной земли... можно заметить генетические связи – декоративизм и присутствие национальных, этнических элементов и в цвете и в типажах...»

Тамара Григорьева, искусствовед, художник.

Людмила Денисова.

Зав. художественным отделом музея «Новый Иерусалим»

Современные подвижники благочестия

Рассказы о блаженной Александре Жизнь блаженной Александры

...“Она была среднего роста, Сашенька, худощавая. Нет, не совсем худощавая – так, средненькая. Рост у нее средний был, волосы русые. Она была подстрижена коротко так, волосы у нее не отрастали.

Жила Сашенька с теткой, мать умерла рано, отец еще раньше – ей восемь лет было, как отец умер. А мать умерла, ей лет десять–двенадцать было. От Рузы деревня Углынь, она в той деревне рожденная была. А умерла-то она в Сафонице. Так она, Сашенька, и жила в Сафонице. Ее тетка взяла, у тетки никого ребят не было. Она-то уж замужем была здесь, в Сафонице, у нее хозяин тоже умер. Она, Сашенька, так и жила у тетки Мавры. Ну, мы и ходили к ней. У нее распятие было на правой стороне, иконы где – хороший иконостас! – до полу распятие. Как в Божьем храме крест, так и этот – Спаситель наш.

32 года ей было, когда она умерла. До восемнадцати она была настоящая, нормальная. В школу очень далеко ходить... Она жила бедненько: обуваться не во что было, одеваться не во что было – и не ходила в школу. Она самоучкой выучилась дома. И по-славянски читала, и по-русски очень хорошо читала. Сашенька была, в общем, начитанная. Тогда все говорили, что она как будто бы Библией зачиталась. Может, какие девчоночки в школу ходили, все ей читали, а она вглядывалась. С детства она никуда не ходила. Она занималась только одним чтением: читала, читала и читала. Книжки толстые у нее были. Помню, книжка небольшая, но толстая. После нее и книжки-то уж не знаю куда пошли. Уж в храм ли их привезли сюда?

Никакие там свадьбы смотреть, с ребятами, с девочками вечером на гулянье – никогда не ходила. Похороны-то когда – она на похороны, на вынос, с теткой Маврой ходила. Тетка Мавра скажет: “Тот-то умер, пойдём!” – “Надо сходить, надо проводить...” Ее не обижали, над ней никакой насмешки никто не видел, ничего. Свое детство прожила действующе. Господь ее благословил чем, тем она и жила. Потом стала повзрослей, стала помаленьку оказывать лечение. Потом стала предсказывать. Вот как говорим мы здесь – к ней придем, а она знает, что мы говорили. Она все душевно воспринимала, все знала. В храм Божий каждое воскресенье с теткой ходили. Она больше в Юркино ходила, в Онуфриево и в Петрово. Тетка все ухаживала за ней, никуда одну ее не отпускала. Куда Сашенька пошла, туда и она. Сказала: пойдём в Божий храм в Юркино – пошли в Юркино. Сказала: в Онуфриево – в Онуфриево пошли.

Сашеньку все время поддерживали: кто приедет, что привезут ей – подарочек

какой. Вот так она и жила. А кормились они с огорода. Тетка работала, а Сашенька уж никуда не ходила. Тетка в огороде, по крестьянству, и все ей помогали. Раньше у каждого крестьянина лошадки – свои. Один сосед вспахал, другая соседка взборонила. Соберутся все – Сашеньке, тетке Мавре картошку посадят. Тетке и в город-то даже некогда было: только от Сашеньки один уходит – другой пришел, один уехал – другой приезжает. К Сашеньке дверь не закрывалась. Изюм всех сторон, вся округа, и Руза, и Можай – все к Сашеньке. Все к ней приезжают на ее благословение. Дня не проходило, чтобы у кого какой беды не было: кто заболел, у кого что. А свои, в Сафонице, ходили все время. Она излечивала: которые лежачие, которые припадочные, болезни какие... Она врачевная была. И все знала. С небольшим горем придешь – она рассудит. Все относились к ней очень хорошо. Священники благословляли ее.

Она никаких колдунов не признавала. Бывало, ездят-ездят по больницам да по знахаркам по этим: “Там знают, там знают, туда поезжай...” – нигде никакого толку нет. А к ней пошлют: приедет, все бывает, больная – ругаться, песни петь, плясать будет, что хошь, а Сашенька ей голову наклонит, книжку положит, акафист прочитает, так она человеком делается. Приходит еле живая, а уходит здоровая. И таких много к ней приходило. Бывало, и на носилках вносят... Больную приведут, ее ломают, тетке Мавре скажут: “Раба Божия, поддержи ей руки”. Она и подержит, а то еще сшибет! “Сейчас, сейчас, – скажет, – Сашенька помолится, и Господь тебе здоровья даст”. А больная: “У! У! У!” Потом все тише-тише – глядишь, в сон ее... Задремлет, посидит, посидит – очнется: “Ой! Где мы?” – “У Сашеньки”. Тетка Мавра ей: “На вот, попей святой водички, Сашенька благословляет”. Попила: “Господи, прости меня грешную! Сашенька, прости!” “Господь тебя простит!” – Сашенька благословит, руку положит на голову. А та: “Ой, как она с меня сто пудов свалила! Спасибо, Сашенька, спасибо!”

Так и все болезни лечила. Ребят по головке погладит, святой водичкой умоет – и ребенок, глядишь, хороший выходит... Зимой и летом на ней пиджачок был такой маленький, и все. Холщовая рубашка. Все, бывало, ходила настежь. Наденет валенки, а чулок никаких не наденет. Она была уже просто Господом освящена. В морозы Господь ее грел.

Сашенька и Маня Баба Маня

Лет восьми уж я стала к ней ходить туда. Далеко – четыре километра, а бывало, мать скажет:

– Пойдем, Манюшка, помаленечку, все дойдем.

Мать не старая, идем помаленечку. Идем, идем. Встречает нас:

– Гости пришли! Проходите, проходите, – меня так по голове, – какая девочка хорошенькая!

Бывало, наложит мне книжек, а мне восемь лет, в школу раньше с девяти лет ходили. Думаю, картинки, а картинок-то нет. А тетка Мавра скажет:

– Сашенька, она в школу еще не ходит. – Господь милостив, Господь покажет, она и читать будет.

Так вот она мне все предсказывала, бывало, как книжек наложит, а сама все:

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! – Сашенька, что ты ей все поешь-то, она что, должна монашенкой, что ли, быть? Промолчит.

Она мне предсказывала то, что я на клиросе пела двадцать лет. Нас с десяти лет начали учить в школе. Матушка, священникова жена, стала преподавать нам Закон Божий. А потом ее сын, Константин Николаевич, нас учил, у него я пела первым дискантом. У нас первым пело четыре девочки, вторым – четыре девочки, альтов – четыре, теноров – четыре, басы были. Как по-монастырски все пели. “Иже херувимы”, на каждый праздник разное пели, когда простое, когда монастырское. К нам приезжали из Божьего храма из Москвы – Елоховского, Богоявленного. Бывало, на Онуфриев день приедут на богослужение и на Успение Пресвятой Богородицы.

Я с первых дней славянский будто сроду читала. Под титлами все, некоторые никак не могли понять, а мы вот, кто пели, мы понимали все. Я Псалтирь по упокойникам с десяти лет начала читать – как стала на клиросе петь. Бывало, один умер, мать скажет: “Мань! А? Дядя Ваня (или кто-то) умер, сейчас за тобой придут”. Еще пела Жукова Шурка, девочка, вот мы с ней двое и ходили, читали Псалтирь. Бывало, придут: “Манюшк, поди, почитай Псалтирик, и Сашка придет Жукова читать”. Ну, Сашка, раз она пойдет, и я пойду, не отказывались.

Бывало, я почитаю главы три, она сидит, отдыхает. Трое суток не хоронили, вот так мы день и ночь читали. Я ложусь, сосну часочка два, а она берет книжку, читает Псалтирь. Я с десяти лет и пока уже совсем видеть не стала, до последнего читала. Вот тут один умер мужчина, здесь уж я не ждала никого. И, бывало, провожали, когда упокойники. Нас все время брали с певчими. Хоронили – панихиду, отпевание, все это мы поем. А до кладбища все тоже поем: “Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас”.

До самого кладбища, и на могиле, бывало, поем. Бывало, и в Загорье, и в Лемянники, и в Сафоницу, и в Карасино, ближние деревни. А венчаний сколько!

(Продолжение на 3 странице)

Современные подвижники благочестия

...Другой раз зарядит мясоедом-то, четыре-пять привезит невестов-то венчать! Да все подойдут: “Константин Николаевич, да подешевше возьми с нас. Мать бедная...” Молодежь-то, вот так. А все равно, бывало, одну обвенчаем, другую начинаем, другую обвенчаем, третью начинаем, вот так вот. Поем-поем, нам дают копеек по пятьдесят, остальное между собой разделят.

Сашенька к нам ходила. Она придет из церкви, мать поставит самовар на стол, заварку. Чайник становит. Сашенька сама чай заварит, наливает себе чашку. Посадит меня с собой рядом, тетка Мавра напротив.

Нальет мне чашку, кладет кусочек сахарку, сольцы положит в чашку и просвирочки кусочек отломит, бросит мне.

– Пей, так тебе и надоть!

Тетка Мавра говорит:

– Как Сашенька тебя благословляет, мне не нравится.

– А что?

– Жизнь у тебя будет – терпеть да терпеть. И соленая будет жизнь, и немножко сладкая. Просвирочка – к терпенью. И в жизни мне не повезло. Всякое видала – и соленое, и сладкое, и горькое”.

Просвирочка – к терпению

Призадумалась баба Маня, вспоминая далекие ушедшие годы. “Да, всякого повидала. И в работницах жила. Бедны ведь были: ни обуться, ни одеться. Как-то раз Маня и сказала матери: “Пойду к дедушке Левону, лето поработаю”. Вторая сестра дома оставалась. Отец старый был. В восемнадцать лет Маню сосватали в семью дедушки Левона. Шесть с половиной лет пробыла она замужем. Муж из армии пришел – на другую сторону пошел. Дочке Кате тогда было три годочка, четвертый. Мужу алименты присудили, три рубля в месяц, а он от них бежал, и ни одного рубля Мария Ефимовна от него не получила. “Бывало, только где-нибудь разыщу, как подам судебный листок, а он принят да уволен, принят да уволен. Так я и перестала ходить... Он давно умер, восемьдесят четыре года ему было. Помимо меня три жены было”.

Так и осталась Маня одна с дочерью. Она любила крестьянскую работу: и косила сама, и лошадь, и корову, и овечек держала, и с огородом возилась, и пахала, и жала – на все ловка была. Вся забота на нее легла. Потом уж дочь выросла, выучилась на медсестру, стала работать.

Что-то шепчет Мария Ефимовна... Сбиваются воспоминания. Налегают одно на другое: “Мне тридцать четыре года было, немец приходил. За Рузу нас гоняли, за Можай. Все ходили по миру да в

окопах сидели. Нас восемь семей выгоняли. Немцы деревню расселяли, хотели сжечь ее всю. В Михайлов день, в ноябре, в 11 часов пришли, а накануне заговин рождественских нас выгнали. Кто в Алексеевку ушел, кто куда попрятались. Машину бортовую подогнали, нас погрузили и – в Рузу.

Привезли в Рузу, к штабу подвезли. Висит наш партизан, у него доска на шее: “Русский партизан”, руки связаны проволокой. А там сарай какой был длинный! Беженцев гонят, все – в этот сарай. Нас пригнали, а уж некуда было в этот сарай – Господь нас не оставил. Облили углы керосином, зажгли. Ворота были чугунные, крыша железом крытая – сгорели. Со всех сторон население гонят в Можай, а сами в сарай спихивают. Нас Господь не оставил. В штаб нас поселили, дом большой-большой. Потом нас выселяют, приказано: из деревни вывести и расстрелять. Первый немец хотел идти нас расстреливать, а у них там люк, внизу штаб, а сверху – выселенные. А люк открытый, немец – раз и туда упал, спину ободрал. Нас оставили ночевать. На второй вечер другой повел нас, двести семьи. А он оказался не немец, румын или кто.

– Вы не бойтесь! Идите, я буду давать немцам слух.

Не стал расстреливать, вверх стрелял. Мы живы остались. Дай Бог ему здоровья!”

Бабушка вздохнула, помолчала. Мы тоже молчали, боясь нарушить тишину, грубо вторгнуться неосторожным словом в сокровенные переживания старого человека. Но баба Маня вновь без нашей подсказки заговорила о Сашеньке...

“Пойдем, поболтаем...”

“Она все знала. Вот сейчас поговоришь, придешь к Сашеньке – она все знает, что мы говорили. Как-то две подружки собрались к ней испытать, чего она знает, чего нет. А уж девушки были, им по двадцать годов, уж не молоденькие, – надо маленько почувствовать, что человек уж такой... Одна и говорит подружка:

– Маша, пойдем к Саше в Сафонику, поболтаем.

Дескать, с Сашей поболтаем. Ладно, собрались, пошли. Приходят.

Сашенька:

– Мавра, становь самовар. Гости к нам пришли.

– Счас, Сашенька, счас.

Она:

– Счас только поставь миску, пока самовар не ставила, налей воды холодной...

А колодец напротив окон у Сашеньки был.

– Водички налей да две ложки деревян-

ные положи.

Мавра и думает: “Чегой-то моя Сашенька? Сейчас надо будет послушать, чего она скажет”.

Поставила миску, налила воды, положила две ложки деревянные. Которая девка говорила подружке своей: “Пойдем, поболтаем...”, Сашенька подошла к ней, взяла за руки и говорит:

– Теперь садитесь обе, берите ложки и болтайте...

Подарок

Она все предсказывала. Вот, бывало, три старушки, шестого мая, как у Сашеньки день рождения, собираются к ней в гости. Моя мать:

– Тетка Авдотья, тетка Василиса, поехали к Сашеньке в Сафонику. – Раньше у каждого свои лошади были.

– А на какой лошади поедем?

– Какую лошадь? Да какую хочешь! – мать, бывало, скажет. – Я свою запрягу.

Ну, поехали – три старухи. А перед этим-то, как им ехать, мать и говорит тетке Авдотье:

– Я сейчас забегу в лавку...

Магазинов раньше не было, лавки назывались-то...

– Я сейчас забегу в лавку, Сашеньке платочек, полушалочек какой-нибудь куплю.

Ну, пришла. У продавца была жена, ей и говорит:

– Михайловна, дай мне платочек, едем к Сашеньке, сегодня день рождения у ней.

Она дает платок-то ей, такой орластый. – Ой, Михайловна, как мне не понравился платок-то – орластый, нехороший.

– Погоди, тетка Федосья, я тебе сейчас другой дам.

Другой-то дала, мать развернула его и говорит:

– Ну что за платочек – как живой!

Завернула платочек, в сумочку и – поехали... Приезжают.

– Сашенька, мы приехали поздравить тебя с днем рожденья.

А она:

– Спасибо.

Потом мать говорит:

– Сашенька, я вот тебе платочек привезла – на день рожденья подарочек, больше нечего.

– Спасибо.

А еще она его не развертывала, а так взяла в руки и говорит:

– Ну что за платочек!

Потом разворачивает его:

– Как живой! А те орластые платки – нехорошие...

Марина КРАВЦОВА
(Начало в №02 (36)).

Продолжение в следующем номере

Легенда о халифе

Богат был халиф, но не радовали его ни бесчисленные сокровища, ни власть. Томительно тянулись однообразные, бесцельные дни. Советники пытались развлечь его рассказами о чудесах, таинственных событиях и невероятных приключениях, но взор халифа оставался рассеянным и холодным. Казалось, сама жизнь наскутила ему, и он не видел в ней никакого смысла.

Однажды из рассказа заезжего путешественника халиф узнал об одном пустынноике, которому было открыто сокровенное. И загорелось сердце владыки желанием: увидеть мудрейшего из мудрых и узнать, наконец, для чего человеку дана жизнь.

Предупредив приближённых о том, что ему на некоторое время нужно покинуть страну, халиф отправился в путь. Взял он с собой только старого слугу, воспитавшего и вырастившего его. Ночью караван тайно покинул Багдад.

Но Аравийская пустыня шутить не любит. Без проводника путники заблудились, а во время песчаной бури растеряли и караван, и поклажу. Когда они отыскиали дорогу, у них остался всего один верблюд и немного воды в кожаном мешке.

Невыносимая жара и жажда свалили с ног старого слугу, и он потерял сознание. Страдал от зноя и халиф. Капля воды казалась ему дорожкой всех сокровищ! Халиф посмотрел на мешок. Там ещё есть несколько глотков драгоценной влаги. Сейчас он освежит свои запёкшиеся губы, увлажнит гортань, а потом упадёт в беспамятстве, как этот старик, который вот-вот перестанет дышать. Но внезапная мысль остановила его.

Халиф подумал о слуге, о жизни, которую тот целиком отдал ему. Этот несчастный, изнемогающий от жажды человек умирает в пустыне, выполняя волю своего господина. Халифу стало жаль беднягу и стыдно за то, что в течение долгих лет он не нашёл для старика ни доброго слова, ни улыбки. Теперь они оба умирают, и смерть уравнивает их. Так неужели за всю свою многолетнюю службу старик не заслужил никакой благодарности?

И чем можно отблагодарить того, кто уже ничего не сознаёт?

Халиф взял мешок и влил остатки целительной влаги в раскрытые губы умирающего. Вскоре слуга перестал метаться и забьёлся спокойным сном.

Глядя на умиротворённое лицо старика, халиф испытал несказанную радость. Это были мгновения счастья, дар неба, ради которого и стоило жить.

И тут - о бесконечная милость Провидения - полились потоки дождя. Слуга очнулся, и путники наполнили свои сосуды.

Придя в себя, старик сказал:

- Господин, мы можем продолжить путь. Но халиф покачал головой:

- Нет. Мне уже не нужна встреча с мудрецом. Всевышний открыл мне смысл бытия.

И мы улетим.

Услышал малыш, как в одной сказке сынок маму не слушался. Раз не послушался, другой... А мама превратилась в птицу и улетела.

Вспомнил мальчуган, что сегодня натворил, и вот уже детская ручонка ухватилась за мамину юбку:

- Мамочка, а ты не улетишь?

Но как бы крепко ни держали наши руки, мамы чаще всего улетают... И мы в своё время улетим. Улетим, чтобы потом навсегда встретиться.

А пока мама рядом, порадуей её.

Борис Ганаго

Православной хозяйке. Постная о обрядовая трапезы по Уставу Святой Церкви

Борщ по-черниговски - блюдо подходящее для праздничной трапезы и для детского питания.

С вечера замочить фасоль и поставить варить её в той же воде, добавив сахар. Не солить, иначе фасоль долго не разварится. Отварить свёклу, обдать её холодной водой и очистить. Подготовить остальные овощи — мелко шинковать и положить в кастрюлю с уже мягкой фасолью капусту и картофель, нарезанные кубиками. Обжарить в растительном масле измельчённые лук, морковь и помидор и положить в борщ. Туда же добавить нарезанную тонкой соломкой отваренную свёклу. В конце варки, когда овощи станут мягкими, посолить борщ, добавить сахар и лимонный сок, измельченный чеснок и рубленую зелень. Вместо обычной фасоли, которая долго варится, можно положить в борщ 1 банку любой консервированной фасоли, это даст существенную экономию времени.

Состав: Полстакана фасоли, 5 картофелин, 1 свёкла, 1 морковь, 1 головка репчатого лука, 3-4 зубчика чеснока, полколочана капусты, 2 помидора, соль, 1 ст. л. сахара, 1 ст. л. лимонного сока, зелень, растительное масло для жарки.

Православная Служба Добрых Дел, Служба милосердия и Редакция газеты приглашают помощников. Нам нужны люди всех профессий, в том числе школьники и пенсионеры у которых найдется хоть немного свободного времени для благих дел. Возраст и образование не имеет значения. Сейчас мы нуждаемся в водителях со своим транспортом и web - дизайнерах.

Главный редактор: р.Б. Вадим, **Дизайнер:** р.Б. Маргарита **Телефон редакции:** 8 (916) 847 - 33 - 21 Приглашаются рекламодатели и
Помощники: р.Б. Юлия (Истра), р.Б. Галина (Истра), **E-mail:** istra2004@mail.ru меценаты, желающие помочь газете
р.Б. Елена (Багайск), р.Б. Ольга (Зеленоград) **Адрес в Интернет:** www.ierusalim.ru и сайту.

Подписаться на газету можно, позвонив по телефону или отправив адрес на электронную почту. Мы существуем и работаем только благодаря Вашей поддержке. Выходит еженедельно.